

Т.В. Соломенная, К.М. Ячменихин

А.А. АРАКЧЕЕВ — ПОМЕЩИК

(К вопросу о роли субъективного фактора в истории зажиточного помещичьего крестьянства России первой половины XIX в.)

Работа XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы продемонстрировала возрастающее внимание отечественных исследователей к субъективным факторам исторического процесса. В частности, были затронуты проблемы крестьянской ментальности и ее влияния на уровень хозяйственного развития. В условиях дореформенной России, когда большая часть крестьянства воспринимала мир глазами священника и помещика, роль последнего в их хозяйстве и в быту была, несомненно, значительной. Просвещенный помещик, конечно, понимал, что основой его благосостояния является зажиточное крестьянское хозяйство и поэтому принимал определенные меры для его стабильного функционирования. Не вдаваясь в вопрос о критериях зажиточности, отметим только, что, по нашему мнению, понятие это конкретно-историческое и критерии зажиточности зависят от места и времени, т.е. должны интерпретироваться через призму историзма.

На фоне полного отсутствия историографических работ, касающихся А.А. Аракчеева, мы ставили в своей статье скромную задачу: восполнить этот пробел, обратившись к деятельности нашего героя как помещика. А насколько актуальным является историографический анализ проблемы, свидетельствуют сотни разнообразных работ, посвященных А.А. Аракчееву, при отсутствии среди них исследований монографического характера, где данный вопрос решался бы комплексно. На уровне статей такие работы появились только в начале XX в.¹, затем последовал

¹ Кизеветтер А.А. Аракчеев // Русская мысль. 1910. № 11. С. 42—72; № 12. С. 1—31; Он же. Император Александр I и Аракчеев в их взаимоотношениях // Там же. 1911. № 2. С. 1—33; Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. М., 1916; Коваленко А.Ю. Роль А.А. Аракчеева в управлении военными поселениями // Вопросы отечественной истории и историографии / Межвуз. сб. научных трудов. М., 2000. Вып. 3.

длительный перерыв, и только в последнее десятилетие здесь наблюдается значительная активизация².

В истории изучения деятельности А.А. Аракчеева как помещика можно условно выделить несколько этапов: первый — 1850—1860-е годы, когда шло накопление источников преимущественно личного происхождения (записок, писем, воспоминаний) и началось их критическое осмысление; второй — 1870-е — начало XX в., когда значительно расширилась источниковая и методологическая база исследований и появились первые работы, содержащие относительно комплексный анализ; третий — 1920—1970-е годы, наиболее «потерянный» в исследовательском плане период, когда А.А. Аракчеева упоминали в трудах общего характера лишь для того, чтобы подчеркнуть реакционный курс правительства Александра I после Отечественной войны 1812 г. (единственным исключением является работа П. Богдановича, изданная за границей³) и четвертый — с начала 1980-х годов, связанный с попытками систематического изучения истории военных поселений.

Одной из первых публикаций, где рассматривается деятельность А.А. Аракчеева как помещика, является исследование Н.К. Отто⁴, который в 1860-е годы работал преподавателем в новгородской гимназии и сумел воспользоваться обширным архивом графа, находившимся тогда в большей своей части в селе Грузине. Один из разделов его труда так и называется: «Сельское хозяйство и порядки, заведенные Аракчеевым в Грузинской вотчине». Говоря об истории Грузинской вотчины, Н.К. Отто отмечает, что Аракчееву особенно льстило то обстоятельство, что прежним владельцем Грузина был А.Д. Меншиков, и «новый грузинский помещик⁵, тоже суровый и непреклонный, хотел сохранить память о прежнем владельце».

Будучи человеком деятельным, последовательным и целеустремленным, Аракчеев решил «показать на своем поместье пример аккуратного и образцового... хозяйства и почти 40 лет без усталости и с особенной энергией преследовал свою цель»⁶. Вотчину

² Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; Федоров В.А. А.А. Аракчеев (1769—1834) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 54—74; Он же. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 37—50; Он же. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17—62.

³ Богданович П. Аракчеев. Граф и Барон Российской империи (1769—1834). Буэнос-Айрес, 1956.

⁴ Отто Н.К. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1. С. 95—102, 293—301, 376—393; Т. II. С. 165—182; Т. III. С. 162—185.

⁵ Грузинская вотчина была пожалована А.А. Аракчееву императором Павлом I 12 декабря 1796 г. и включала около 2000 душ м.п.

⁶ Отто Н.К. Указ. соч. Т. 1. С. 376.

же он принял в плачевном состоянии, как в хозяйственном, так и в бытовом отношении. Н.К. Отто отмечает, что методы его работы — регламентация, система наказаний и поощрений — были хорошо апробированы практикой. Пытаясь быть объективным, автор, как правило, избегает оценок деятельности графа, а лишь констатирует тот или иной исторический факт. Думается, что в условиях, когда крестьянин жил в рамках повседневных обычаев, когда все новое приживалось в его сознании с большим трудом, методы принуждения и строгой регламентации были едва ли не единственным средством к повышению его благосостояния. Не эта ли мысль владела Александром I, когда он предпринимал робкие шаги в области решения крестьянского вопроса и был сверхнастойчив в деле создания военных поселений?

Говоря о разнообразных мерах, принятых А.А. Аракчеевым для повышения благосостояния крестьянских хозяйств своей вотчины, Н.К. Отто констатирует несомненную эффективность начинаний графа: на 650 хозяйств в 1818 г. приходилось около 1500 лошадей, 4000 коров и 2700 овец. Такой уровень зажиточности автор объясняет тем, что А.А. Аракчеев не помышлял о своем личном обогащении, «но более всего заботился о благосостоянии крестьян, вверенных Богом и правительством его попечению»⁷. В вотчине функционировал Мирской заемный банк, до 30 крестьянских семейств занимались торговлей, многие зарабатывали отходом.

В литературе в вину А.А. Аракчееву неоднократно ставили и ставят его многочисленные инструкции и приказы, регламентировавшие все стороны жизни крестьян. Особенно часто авторы возмущались по поводу наставлений матерям, как ухаживать за младенцами, как выбирать женихов и невест. Говоря об этом, не следует забывать, что, во-первых, граф заботился о пополнении хозяйств рабочими руками (ведь зажиточное крестьянское хозяйство в имении Аракчеева имело такое количество надельной земли, которое позволяло даже выходить за рамки натурального хозяйства), а во-вторых, что крестьянские браки в то время заключались не по любви, а по расчету.

Однако Н.К. Отто все-таки грешит против истины, утверждая, что «от аракееевского гнета и строгих порядков мужики и даже бабы спасались бегством...»⁸ Источники свидетельствуют, что в среднем за год бежало не более двух-трех человек⁹.

⁷ Отто Н.К. Указ. соч. Т. 1. С. 381—382.

⁸ Там же. С. 392.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 154. Оп. 1. Д. 270. Л. 1—68; Д. 326. Л. 2—46.

В целом же заметки Н.К. Отто ценны прежде всего тем, что несут богатую информацию (хотя в ряде случаев она требует уточнения), а также попыткой автора объективно разобратся в такой сложной и противоречивой фигуре, как А.А. Аракчеев.

Историческая наука в России второй половины XIX — начала XX в. уделяла значительное внимание эпохе Александра I¹⁰, а значит, и нашему герою, но, как правило, Аракчеев характеризовался как государственный и военный деятель, и только в некоторых специальных работах содержались упоминания о нем как о помещике¹¹. Практически все исследователи сходятся на том, что уровень жизни крестьян Грузинской вотчины был достаточно высоким на фоне остальной помещичьей деревни, и достигалось это во многом благодаря рациональному управлению имением его хозяина и его вотчинной администрации.

Значительным вкладом в историографию проблемы являются работы А.А. Кизеветтера, который, используя различные методы исследования, в том числе и метод психологического анализа, сумел с позитивистских позиций подняться над констатацией фактов к интересным обобщениям. А.А. Кизеветтер настаивал на том, что «Аракчеев был великим мастером по части сооружения вокруг себя декоративно показного благоденствия», хотя и признавал положительную роль ряда мероприятий, проводившихся графом в интересах своих крестьян, — основания Мирского заемного банка «для выдачи крестьянам беспроцентных ссуд на приобретение скота и на хозяйственные постройки»¹², учреждения госпиталя, противопожарных мер и т.д.

Но как либерально настроенный историк начала XX в. А.А. Кизеветтер не мог оправдать методы управления, в основе которых лежало «мучительство и тиранство»¹³. Автор явно впадал в исторический модернизм, поскольку не хотел принять концептуально позитивные черты романтической историографии, настаивающей на том, что исследователь, «погружаясь» в эпоху, освещая ее изнутри, должен учитывать ее специфику. В конце

¹⁰ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1868—1872. Т. I—VI; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV; Шиман Т. Александр Первый. СПб., 1911; Николай Михайлович (Романов). Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг., 1914; М., 1999.

¹¹ Глебов П. Слово об Аракчееве // Военный сборник. 1861. № 6. С. 455—466; Словский (Богословский) Н.Г. Рассказы о былом. Новгород, 1865; Художественная Россия. Общедоступное описание нашего Отечества // Изд. П.Н. Полевого. СПб., 1884, т. 1. С. 27—35; Ширяев Н. Аракчеевское поместье // Русская старина. 1893. Т. 79. С. 408—412; Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. М., 1916.

¹² Кизеветтер А.А. Аракчеев. С. 66.

¹³ Там же. С. 67.

концов вслед за Н.К. Шильдером и великим князем Николаем Михайловичем А.А. Кизеветтер встал на позицию откровенно негативной оценки А.А. Аракчеева и как личности, и как государственного деятеля.

В советский период имя графа Аракчеева не просто уцелело в историографии, но и заработало с небывалой интенсивностью¹⁴. Произошло парадоксальное явление: заимствуя негативный «образ» Аракчеева из дореволюционной литературы, апологеты новой власти и победившей методологии исторического материализма использовали его для обличения самодержавия¹⁵, а противники этого строя, в свою очередь, обвиняли новую власть в том, что она применяет аракчеевские приемы и методы для построения «светлого будущего» и, в частности, в колхозной деревне.

Только в 80-е годы в связи с началом систематического изучения истории военных поселений целый ряд исследователей, в том числе и один из авторов этой статьи, обратились к строго научному, незаидеологизированному исследованию личности Аракчеева и его роли в формировании внутривосточного курса России первой четверти XIX в. В итоге удалось, как нам кажется, доказать, что это был деятель-государственник консервативного толка, вполне органично вписавшийся в свое время. Однако из новейших работ, посвященных А.А. Аракчееву, нам хотелось бы обратить внимание и на такие, которые носят открыто компилятивный характер, а подчас грешат и откровенным плагиатом. Это публикации А.Ю. Коваленко¹⁶.

Восприняв идею многофакторности исторического процесса, современная историография уделяет много внимания роли личности в истории и, в частности, в истории крестьянства. Именно с таких позиций подходит к проблеме В.А. Федоров, убедительно доказывая, что Аракчееву в своем имении удалось создать предпринимательское, ориентированное на рынок хозяйство¹⁷. Во многом это было достигнуто за счет рациональной организации труда и быта крестьян их владельцем. Аналогичной концепции придерживаются В.А. Томсинов и один из авторов настоящей статьи¹⁸.

¹⁴ Томсинов В.А. Временщик. С. 5.

¹⁵ Гессен С.Я. Аракчеевская барщина. М., 1934; Кунль А.А. Аракчеевщина. М., 1929.

¹⁶ Ср. ее работу «Роль А.А. Аракчеева в управлении военными поселениями» с любой из работ К.М. Ячменихина, посвященных Аракчееву.

¹⁷ Федоров В.А. Сперанский и Аракчеев С. 80.

¹⁸ Томсинов В.А. Временщик. С. 74—78; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. С. 28—32.

Итоги изучения проблемы свидетельствуют, что многие ее вопросы, особенно в последнее время, нашли свое разрешение. Но в то же время остаются еще не изученными такие сюжеты, как структура хозяйства Грузинской вотчины, динамика ее развития (в том числе и после смерти А.А. Аракчеева в 1834 г.), экономические взгляды графа. Требуют детального сравнения методы управления имением и военными поселениями в хозяйственном отношении. Практически ничего не сказано в литературе о других владениях А.А. Аракчеева, например в селе Курганы Тверской губернии, которое досталось графу после смерти его матери в 1820 г. Очень много путаницы в родословной Аракчеевых и т.д. Только систематический поиск новых материалов в архивохранилищах страны и их комплексный анализ помогут решить эти вопросы.

Поступила в редакцию
19.10.01